

СКВОЗЬ ПЕЛЕНУ

Патриотическая треш-комедия

Автор – Студеникин Юрий

Действующие лица:

Огюст де Сен Фло – командир звездолета «МАРСОНИМ-1», француз

Сэм Варго – психолог, второй инженер-конструктор, немец,

Ра – первый бортинженер, индус,

Валим - второй пилот, араб

Тамара – космонавт-биолог, женщина 38 лет, дочь Елены

Елена – хирург-космонавт, врач, мать Тамары, русская

Джастин – астронавт-исследователь, американка

Ева – астронавт-испытатель, полька,

Исиоко – первый инженер-конструктор, японка,

Паула – астронавт-радист, испанка,

Бриджид – космическая туристка, журналист, австралийка,

Абигайль – архитектор-конструктор, бразильянка

Мария – второй борт-инженер, израильтянка

ПЕРВЫЙ АКТ

Сцена 1

Действие происходит во второй половине двадцать первого века на борту космического корабля «Марсоним 1».

На авансцене стоит подобие кушетки. Одежда на нем грязное, подушка порвана. Под кушеткой лежит обросший неухоженный человек в грязной одежде.

В помещение входит Тамара, космонавт-биолог. В ее руке тубик и бутылка.

Тамара: Командир вы где? Огюст, ау?

Тамара никого видит. Затыкает нос пальцами.

Тамара: Фу! Как же низко человек может опуститься, потеряв близкого. А ведь столько лет держался?! Даже авария, не выбила командира. И смерть

китайца так не сказалась. А как мамы не стало Огюст сразу сдал. За собой не следит, на управление кораблем совсем забил. Боже, какая вонь стоит хоть огнетушитель вешай! Огюст, где вы? Команди-ир?

Под кушеткой слышится мычание.

Тамара: Ах, вот вы где! Хватит валяться, вылезайте. Я еду принесла.

Тамара бросает тюбик и еду под подушку. Вытаскивает брыкающегося Огюста. Он остается полулежать, полусидеть на полу.

Огюст: Отстань от меня, женщина. Я хочу умереть. Мне нет до вас дела.

Тамара: Командир. Это я, Тома. Еду принесла. Питьё.

Огюст: Питьё? Тома, девочка моя. Доченька. Спасибо, что ты есть.

Огюст словно оживает, меняется в лице. Смотрит на Тамару счастливыми глазами. На коленях ползет к ней, обнимает колени, гладит.

Тамара: Да я то есть. А вот вы, как мамы не стало, не пойми во что превратились. Не моетесь, волосы в колтунах. Смотреть ужас как страшно. Бомж, а не командир звездолета. И главное, не пойму, что вы такое употребляете, что от вас так несет? На корабле ни одно вещество так не смердит, как ваше пойло. Алкоголя на корабле отродясь не было. Вы его из мочи что ли гоните? И главное – как?

Тамара отстраняет Огюста, озирается по сторонам. Лезет под кушетку. Простукивает стены. Огюст берет тюбик, мелко и ехидно смеется

Огюст: . Ей одной, зеленушечкой только и жив пока...был. Ты её достала для меня? Принесла?

Тамара (достаёт тюбик): Я вам поесть принесла. Больно смотреть, как вы себя губите. Одно название – командир! Вы образцом поведения для команды должны быть. Эх!

Огюст: А нафига? Сорок лет был образцом, а теперь всё – не вижу смысла. Но хватит обо мне. Как там на палубе? Старухи окончательно спятили? Все друг друга пережрали?

Тамара: Да нет, все живы и службу несут. Хотя, Сэм рассказал, что у Паулы и Абилайль прогрессирующая деменция. *(опомнившись)* Но это большой секрет!

Огюст: В чем эта деменция проявляется?

Тамара: Членов команды стали путать, текст забывают.

Огюст: Какой такой текст? Вы что, до сих пор репетируете?

Тамара: А зачем отменять? Всем нравится. Если б не постановки Сэма, то и остальные давно спятили от скуки. Они и без того клянут вас за аварию. На каждой репетиции поминают. А так – все живы и бодры. Только Исиоко хворает. Пока не пойму что с ней.

Тамара замолкает, задумывается, грустнеет. Огюст обращает на это внимание. Перестает есть.

Огюст: Стоп, стоп, стоп! Что-то все же случилось? Ну, давай, рассказывай?

Тамара: Даже не знаю, как сказать?

Огюст: Вижу что-то серьезное. Ты единственная на этой чертовой посудине кто мне дорог. Только тобой и дышу, поэтому колись. Что случилось?

Тамара: Не знаю. Или глюки начались, или тоже с ума сходить начинаю.

Огюст: Мне клещами из тебя тянуть?

Тамара: Стала во сне мать видеть.

Огюст: Лену?! И как часто?

Тамара: Пару раз было. Всегда ночью. Сидит рядом, смотрит на меня и молчит. Только руку к лицу тянет. Я от страха глаза зажмурю. Открываю – её нет. Что это как не галлюцинация?

Огюст: Это явно не глюки, и даже не психоз. Обычная грусть-печаль по ушедшей матери. Это нормально. Выпей таблетку и пройдет. Кстати, что на корабле со жрачкой?

Тамара: Если вы про наши ресурсы, то идет стремительное истощение. Почвы за эти годы перестали наполняться микроэлементами и водоросли не могут развиваться по-прежнему...

Огюст: А если человеческим языком? Сколько нам всем осталось?

Тамара: Я тут подсчитала – если не прилунимся на ближайшую планету в созвездии Альфа Центавра, то месяцев пять максимум. И то при условии, что экипаж пить и есть станет один раз в день, а на планете будет хотя бы водород. Но боюсь...

Огюст: Что такое?

Тамара: Боюсь, что кислород на корабле закончится раньше, чем прилунимся. Водоросли просто не успевают его восполнять.

Огюст: И что для этого нужно?

Тамара смеется.

Тамара: Желательно, чтобы нас на корабле было не 12, как сейчас. А минимум 11, а лучше б десять.

Огюст: Ну, вот и всё! Конеч. (*к Тамаре*) Только не вздумай об этом проболтаться.

Огюст резко тянется к волосам и начинает неистово чесаться.

Огюст: А-а, сволочи!

Тамара: Нет, так нельзя. Я космонавт-биолог, и пока я на корабле отвечаю за гигиену, то насекомых и грязи распространиться по кораблю не дам. Ну-ка, марш мыться и стричься.

Тамара подхватывает под руки Огюста и волочит к двери. Он чертыхается и упирается.

Огюст: Не хочу мыться дистиллятом мочи этих мерзких старух...

СЦЕНА 2

Столовая космического корабля: огромный иллюминатор возле которого стоит Валим. Посредине столовой стол и стулья. Сэм сидит за столом.

Валим: Я часами могу так стоять и думать. И все о ней, о Земле. Сэм, неужели, и правда Земли давно нет? Неужели все погибли, и мы сейчас единственные люди во всей вселенной? И сколько нам осталось полгода, год? Благодаря Томиным придумкам еды может и хватит до Альфа Центавры долететь, но ради чего?

Сэм: Я тебя прекрасно понимаю, но не накручивай себя. Меньше думай, больше делай: сочиняй песни, стихи, занимайся спортом, танцуй. Благо есть с кем.

Валим: Сочинять? Что? И главное, ради чего стараться? Ради себя? Или сестер? Все мы сейчас лишь пылинки в космосе.

Сэм: Лирика это. Приходи ко мне почаще. Тогда и эти дурацкие мысли исчезнут.

Валим: Ну, да. Ты еще предложи с этими старухами чаще общаться.

Сэм: Ну, если мы теперь единственные люди во вселенной, то возраст уже не имеет никакого значения. А что, шестьдесят пять возраст что ли? На Земле ты бы ещё детей завел.

Валим: Да, только вот тут они не получаются.

Сэм (разводит руками): Что поделать, – радиация.

Валим: Что лишний раз доказывает, что Елена зачала Тамару ещё на Земле. Причем незадолго до отлёта, сумев обмануть всю медкомиссию.

Сэм: Ты лучше про командира расскажи. Как он? Тома говорит командир сильно опустился, зарос, ходит в рваньё.

Валим: Все так, даже своё семидесятилетие не пришел отмечать. Думаю, не

долго ему осталось – отрезанный ломоть, а Тамара как? Она заболит – нас не станет. Всё тут держится на ней одной.

(Сэм оглаживает на входной отсек подзывает рукой Валима – подойди. Валим подходит.)

Сэм: С Томой, похоже, беда.*(делает знак рукой и переходит на шепот)* Только между нами. Пришла вчера ко мне на психотест, и пожаловалась на глюки.

Валим: Ей всего сорок лет, какие в ее возрасте галлюцинации?

Сэм: Вот и непонятно. Рассказала, что проснулась ночью, и прямо перед собой увидела лицо матери, Елены...

Разговаривая, в столовую вливают астронавты, тут же включают на груди гравитационные кнопки, и дальше идут к столу, рассаживаются.

Сэм (Валиму): Потом, потом... *(обращается к вошедшим)* С добрым утром, сестры! Приветствую вас на космическом корабле «Марсоним 1» сегодня, двадцать четвертого декабря две тысяча шестьдесят шестого года.

Все вошедшие хором: И мы вас приветствуем, братья Сэм и Валим!
Абигайль подходит вплотную к Валиму и начинает гладить его рукой по груди.

Абигайль: Ты опять манкировал меня сегодня ночью, шалунишка. А я ждала, ждала.

Валим отстраняет её руку и отходит к Сэму.

Валим: Я не мог, работа. *(к Сэму)* Сделай что-нибудь, достала, дура – видеть не могу.

Абигайль: Куда же ты, Валимчик?

Сэм (преграждая путь Абигайль): Рассаживайтесь поудобнее. Начинаем нашу репетицию. У меня хорошие новости. К нам обещала присоединиться Исиоко.

Паула (хлопая в ладоши): Она прилетела к нам? Я так рада.

Ева: Паула, ты совсем спятила? Откуда прилетела? Она болела. Стало быть вылечилась?!

Сэм: Не совсем. Но в репетициях участвовать согласилась.

Джастин: А это не опасно?

Ева: Она всех нас не заразит?

Тамара: Нет, Джастин, пик болезни давно пройден. Тем более она будет в маске.

Мария: А почему её нет?

Сэм (разведя руки в стороны): Ну, знаешь, некоторых салатом не корми, а дай поопаздывать.

Абигайль: Ой, не напоминайте мне про эти водоросли. Меня уже тошнит от них. Когда уже подадут лазанью?

Мария (смеясь): Чего тебе? Может, икры ещё попросишь?

Бриджит: От водорослей её тошнит. Да не ешь. Через три дня окочуришься и нам больше достанется.

Абигайль: Тфу на тебя, мерзкая старуха.

Бриджит (плюет на Абигайль): Это я на тебя плюю. Тфу!

Сэм: Девочки, не ссорьтесь. И слюну не тратим, а экономим. Всё идет на переработку. На жизнедеятельность корабля. Надеюсь, все прочитали текст нашей пьесы?

Джастин: Я даже выучила. Там немного совсем.

Мария: И у меня мало слов.

Паула: И я выучила. А чего там учить про грибы эти?

Ева: Похоже, ты опять не ту пьесу читала?!

Паула: Почему? Ту. А почему роли такие маленькие?

Сэм: Да. У вас небольшие, проходные, но очень важные роли. Но не будем спешить, давайте по порядку, как мы это делаем все последние тридцать девять лет нашего существования. Начнем с читки. Вернее даже с его разбора. Тамара, как ты видишь свой персонаж, Катю? Чем он тебе близок?

Абигайль: Там есть персонаж Атя?

Ра: Мать, Лакшми! Совсем плохая!

Джастин (кричит ей на ухо): Не Атя, а Катя! Дело в России происходит!

Абигайль: Зачем орать? Я не глухая.

В дверь вливается Исиоко. На ее лице бактерицидная маска. Она останавливается возле двери.

Исиоко (к Сэму): Я не поняла? Вы с ума сошли? Вы опять взяли пьесу русского писателя? Объяснитесь?!

Сэм: Во-первых, здравствуй, сестра!

Исиоко (зло): Здравьете – иллюминатор закрасьте!

Все хором: Здравствуй, сестра Исиоко!

Сэм: Во-вторых, кто мне из присутствующих скажет, зачем вот уже 39 лет из года в год мы все вместе ставим пьесы?

Руку тянет Бриджид. Сэм дает ей знак говорить
Бриджид (встает): Это чтобы помнить, что мы Земляне!

Сэм: Хорошо, а ещё?

Руку тянет Ева, Сэм указывает на неё

Ева: Да, Ева. Это делается для сплочения экипажа и его готовности в сложный момент быть единым экипажем.

Сэм: Великолепно! Но кто мне подскажет главную причину? (*оборачивается и смотрит на экипаж*) Что-то давно мы не слышали нашего бортинженера. Что скажешь, Ра?!

Сэм разворачивается к Ра

Ра: Мы летим черт знает куда 39 лет и хрен знает долетим ли...

Сэм: Мне казалось, что ты уже давным-давно избавился от дурной привычки ковыряться в том, что исправить нельзя. Не нагнетай. Не видишь что ли, какой нервный контингент?

Ра: Понял. Наш международный экипаж марсолета, как вы помните, потерял после аварии смысл и цель полета. Спустя восемь месяцев после старта мы не смогли сесть на Марс и основать первую колонию людей. И чтобы не растерять последние мыслительные и когнитивные способности, командиром корабля Огюстом был отдан приказ все свободное время использовать на выучивание текстов и постановку пьес.

Сэм (к Ра): Ну, конечно можно было бы обойтись и без подробностей, только масла подлил, но в целом верно. (*к Исиоко*) Пьес, Исиоко! Пьес! А не стихов, поэм или мадригалов! А почему?

Исиоко: Да мне пофиг почему! Я только не хочу, чтобы это была пьеса русского писателя. И вы все знаете причину. В последний раз, когда мы взяли для постановки пьесу русского... умирать буду, а не забуду фамилию Грибоедова, – то заболел и умер мой муж тайконавт Ли Су Во...

Исиоко начинает плакать. К ней подходит Ева и обнимает её

Бриджид: А я вообще русских писателей не люблю. Пишут муть одну. Читаешь – ни черта не понять. Страдают, а чего страдают? Дело надо делать.

Абигайль: А я вообще русских не люблю...

Мария: И я – ни слова в простоте не напишут.

Джастин: И я не люблю. Что ни русский, то шпион...

Сэм (кричит): Прекратить высказывания! А то всех завтрака лишу! Не забывайте, что среди нас наш коллега, космонавт, и – русская, хоть и по

матери. А пьесу этого автора мне очень повезло скачать еще до окончательной потери связи с Землей.

Ра: И чем же это нам всем так повезло?

Сэм: А тем, уважаемый, Ра, что ... нет, лучше я вам зачитаю страницу биографии автора. Вот... «модный в начале тридцатых годов двадцать первого века российский драматург Юрий Студеникин, стал известен, благодаря своим одноактным пьесам-расследованиям, написанным в детективном жанре. Писал он в основном для театральных студий и кружков Московского Долголетия (ЦМД), основу которых составляли в большинстве своем женщины преклонного возраста. Пьесы драматурга не раз подвергались критике театральных...» Ну, дальше не столь важно, суть вы, надеюсь, уловили?

Бриджит: А что это за долголетие такое? Сестры, может, если мы эту пьесу поставим, мы проживем дольше?

Сэм: Правильно рассуждает сестра Бриджит. Мы и проживем дольше, и разум у нас будет крепче.

Исиоко (плача): Не хочу русского писака. От этих русских и на Земле все беды начались, а тут продолжились. Я вот не сомневаюсь, что и аварию на корабле Елена подстроила.

Тамара: Бред какой! У нее на руках я, годовалый ребенок, а она будет думать как нас всех известить?! Где логика?

Сэм: Дорогая, Исиоко. Братья и сестры. Я взял эту пьесу не просто так. Недавно в небытие от нас ушла Елена Васильева, мать Тамары и наш единственный хирург-космонавт, которая все эти, без малого, сорок лет уберегала и спасала экипаж от ожогов, травм и прочих хворей. Все мы обязаны ей тем, что дожили до этого дня. Права Тамара: думать, что кто-то из членов экипажа устроил аварию полная чушь. Корабль сбился с курса из-за неверных расчетов на Земле. А поставить пьесу именно русского драматурга в память о Елене я считаю своим долгом и перед Леной, и перед Тамарой, как ее дочерью.

(Тамара встает, подходит к Сэму и обнимает его)

Тамара: Благодарю, Сэм!

Сэм(Тамаре): Не переживай. Они покричат мальчика, и перестанут.

Исиоко (Еве): Вот ведь, сучка патлатая. Так и лезет, так и льнет к нему.

Ева (Исиоке): Ничего, скоро мы ей волосья-то все повыдергаем.

Сэм: Прошу всех успокоиться, взять свои планшеты и начать репетицию.

(все рассаживаются)

Сэм: Давайте по персонажам пройдемся. Валим ты будешь Владимиром. Ра, ты капитан корабля Егор Дронов. Главную роль Кати Кулагиной исполнит

Тамара Васильева. Самая близкая её подруга Лера – это вы Джастин. Кира – Ева, Женя – Паула, Ольга – Бриджит, Тоня – Абигайль, Маша – это вы Мария. Ну, чтобы не путать.

Исиоко: Ну, и имена у этих русских – язык сломаешь. Ни одного красивого. Вла-ди-мир. Дыр-дыр-дыр. Словно луноход язык отдал.

Валим: А как вам имя Юрий? Язык не обжигает?

Исиоко (зло): Нет. Я ещё не выжила из ума и помню имя первого космонавта Земли.

Сэм: Думаю, Валим на другого Юрия намекает. В пьесе есть юнга по имени Юрий, сын капитана Егора Дронова. Именно вам я и хочу предложить эту роль, Исиоко.

Исиоко (отталкивая от себя Еву): Ничего из вашей затеи не выйдет. Вы что забыли? Когда ставили первую пьесу русского автора корабль сошел с курса и мы потерялись в космосе. Когда ставили вторую русскую пьесу умер мой муж. И, знаете, сейчас тоже что-то случится. Эти русские прокляты. И вы...и вообще...тфу на вас, сволочи.

Исиоко смачно плюется и выходит из столовой

Валим: Ну, это она погорячилась. Я тот день помню как сейчас – корабль сошел с курса, когда ставили пьесу английского писателя Агата Кристи.

Сэм: Это всё уже не важно. Но поскольку юнга Юрий появляется лишь в самом конце со своим монологом, то будем надеяться, что к тому времени Исиоко успокоится и вернется.

Тамара: А если нет?

Сэм: А если нет, то за нее сыграю я. Друзья, не будем заикливаться на негативе, движемся вперед. Но сначала что?

Все хором: Завтрак!

Сэм: Правильно. Приказ – разобрать тюбики.

К шкафу выстраивается очередь. Все открывают дверцу и берут тюбики. Абигайль не удерживает свой тюбик и он подлетает в невесомости, она быстро его ловит. Мария и Ева взяв тюбики отходят в сторону.

Ева: Если б от Тамары не зависело наше существование, то своими руками ее придушила.

Мария: Да придуши уже. Я двадцать лет одно и то же слышу от всех вас: придушу, зарежу, отравлю. Она всех наших мужиков отбила, а мы ничего сделать не можем только треп один. Давно понять пора – мы для них старухи, а с ней молодость и красота. Природа всегда свое берет.

Ева (зло): Вот умеешь ты с утра настроение поднять!

Мария: Да какое тут утро – за бортом вечный мрак.

Обе возвращаются к столу. От стола отделяются Ра и Валим.

Ра: Валим, меня уже два дня какое-то дурное предчувствие гложет. Словно, что-то явно должно случиться.

Валим: Только пару? У меня оно последние четыре десятка лет не проходит. Ну, если совсем приперло, то обратись к Сэму, может, посоветует что, валиума отсыпет.

Ра: Зря смеешься, это что-то другое. Такого раньше не было.

Валим: Что? Хуже чем перед твоей попыткой (*показывает на шею*)... ну, тогда, когда Сэм с Огюстом тебя из петли вытащили?

Ра: Вроде того, но значительно хуже.

Валим: Черт! Вот сейчас правда напугал.

Сэм(ко всем): Все перекусили? Сестры, братья, прошу на репетицию. (*к Тамаре*) Тома, расскажи нам, как ты видишь свой персонаж? Чем он тебе близок?

Тамара: Так. У автора я знатная мешальщица первого разряда на втором мукомольном заводе...

Паула: А кто такая мешальщица?

Сэм: Давайте не будем заикливаться на профессиях. Мы не можем знать какие были у русских на Земле работы. Ну, мешальщица и мешальщица. Не важно, хоть, черпальщица или бухгалтер.

Джастин: А бухгалтер это кто, я забыла?

Сэм (вздыхает, обращается к Тамаре). Продолжай Тома.

Тамара: Нет, я считаю, что сестры правы – для понимания характера мне бы хотелось вникнуть в суть профессии моей героини. Вот я космонавт–биолог. А будь я, как Паула радистом, у меня был бы другой характер. Может моя Катя тогда не была бы столь щедрой, и не оплатила бы подругам номера в кризисе, а оставила все деньги себе?

Паула: Не поняла? Она что, меня щас жадной назвала?

Сэм (к Пауле): Успокойся, она не про тебя. (*к Тамаре*) Я полагаю, что мешальщицами называли работниц, которые перемешивали тесто или муку. Возможно не руками мешали, а машинами, а твоя Катя за этим следила.

(все астронавты одобрительно гудят в знак понимания)

Тамара: Хорошо. Тогда так: моя героиня незамужняя, очень добрая и щедрая. У нее очень много подруг по заводу. Все ее любят и уважают.

Сэм: И в чем это проявляется?

Тамара: Я думаю в том, что все, подруги, как только узнают, что Катя оплатила всем круиз по морю, бросают свою работу и не задумываясь едут с ней. Даже начальник цеха Владимир.

Сэм (к Тамаре): Правильно! А что у твоей героини с Богом? Она в него верит?

Тамара: Да. Поскольку Катерина влюблена в своего начальника, то, думаю, ее душу окружают ангелы, и она верит в Бога!

Сэм: Совершенно верно. Но и Бог тоже любит Катерину. Ведь не спроста же именно Катя выигрывает денежный приз за участие в выборах Президента.

Джастин: А мы фантастическую пьесу ставим?

Сэм: Почему? Обычную. С чего такой вопрос, сестра Джастин?

Джастин: Это конечно чёрти когда было, но я помню в молодости, до отлета на Марс, дважды успела поучаствовать в выборах моего, американского Президента. И нам за участие в выборах никаких призов и подарков, а тем более денег не полагалось.

Все, соглашаясь с ней, одобрительно гудят.

Ева: А у русских все через одно место. Не удивлюсь если их женщинам правительство и за роды платило.

Все члены экипажа кроме Тамары смеются.

Сэм: Мы с вами работаем в предложенных автором предлагаемых обстоятельствах. Написано выиграла – значит выиграла. Итак, мы имеем мешальщицу первого разряда Катю, которая выиграла большой приз в ходе Президентских выборов, и все деньги решила спустить на круиз по Черному морю с подругами и любимым мужчиной. Теперь персонаж Владимир. Валим как ты его видишь?

Валим: Он крупный начальник на втором мукомольном заводе. Под его началом семь молодых женщин. Он уверенный в себе человек.

Сэм: С чего ты решил, что он крупный начальник?

Валим: Полагаю, что мелкий не смог бы покинуть производство даже ради круиза и любимой женщины. Владимир же оставил работающий завод и уехал.

Сэм: Пускай так. А у него есть хобби?

Валим: В смысле делает ли он что-то еще в свободное время? Думаю, да. Скорее всего он вяжет или занимается аппликацией.

Сэм: Не вполне уверен, что русские мужчины полвека назад этим занимались, но хорошо. Пусть вяжет.

Тамара: Мама рассказывала, что они всё свободное время выпивали.

Валим: Что выпивали?

Тамара: Всё что пьется.

Паула: Получается, в нашем командире Огюсте тоже течет русская кровь?!

Бриджид: С чего ты это взяла, Паула? Огюст, насколько я помню, из Франции.

Мария: Так он же не просыхает. Сестры, когда вы его последний раз трезвым видели?

Ева: Да я его считай год не видела. Он жив хоть?

Сэм: Ну-ка прекратили! Мы, кажется, уже давно обо всем договорились. На корабле нет ни русских, ни французов, ни евреев. Мы все одна нация – земляне! К тому же обсуждать капитана за глаза подло. Всё! Продолжай, Валим.

Валим: Я думаю, что мой персонаж не любит Катю. Скорее он согласился на поездку из-за денег, не зная, что она всё потратила на круиз.

Ева: А зачем же он тогда совершил диверсию, испортил двигатель на корабле?

Валим: Думаю, это была месть капитану Егору Дронову за то, что Катя обратила внимание на него.

Сэм: Правильно. Теперь ты Ра. Что скажешь про своего капитана Егора Дронова?

Ра: Судя по всему это мужественный и добрый человек. Только такого и должна была полюбить Катя. Он старый и опытный моряк. По вечерам он пишет мемуары.

Сэм: Мемуары?! Очень хорошо. О чем они?

Ра: Мне кажется, в молодости Егор был боевым офицером и воевал.

Сэм: Молодец, Ра. Теперь ты Ева. Ты по пьесе Кира, лучшая подруга Васильевой.

Ева: Думаю, что я в цеху тоже мешальщица. Но третьего разряда. Возможно, я разведена и у меня от первого брака ребенок. Хобби у меня нет, так как я поглощена воспитанием дочери. Но иногда я сбегаяю на танцы, чтобы найти себе мужчину на одну ночь. Я такая вся дерзкая, разбитная. Как только

случай подворачивается оттянуться по полной, то бросаю дочь на маму, и сбегая в круиз с подругами.

Паула: Боже, как я мечтаю о танцах!

Мария: А я о море. И зачем я согласилась на этот чертов Марс лететь?

Ева: А не согласилась бы, то сгорела бы со всеми в ядерном костре.

Сэм: Сестры, хватит! Лучше поучитесь у Евы, как великолепно раскладывать свой персонаж. Какую глубину характера можно дать одним-двумя мазками.

У остальных подруг Кати идут малозначительные и короткие реплики, поэтому мы их характеры разбирать не будем. Хорошо?

Все хором кричат «Да».

Сэм: А теперь, по традиции, перед началом давайте помолимся.

Сэм выходит на авансцену и все по ранжиру строятся вдоль него, опускаются на колени. Чуть вперед выходит Ева.

Ева: Господи! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный дай нам днесь. И избави нас от лукавого. И не прерви наши репетиции мором, напастями и прочим инопланетным злом! Аминь!

Все хором «Аминь!». Встают.

Сэм: Тех кто уже выучил свой текст прошу в театральщину не впадать. Сейчас просто почитаем. За автора, как обычно, буду я.

Все хором: «хорошо», «принято».

Сэм(читает): Сцена первая. «Второй цех мукомольного завода. У пульта управления стоит Владимир. Позади него у цистерны с мукой стоят Кира, Мария, Ольга и Тоня. Владимир насвистывает мелодию, смотрит на часы, затем на дверь. Качает головой. Дверь в цех открывается и вбегает Катя»

Тамара: «Девки-девки, слушайте чо скажу!»

Валим: «Катя, ты опоздала на полчаса. Ты вообще берега потеряла?»

Сэм; «Тамара залиvisto смеется»

Тамара : «Отвали, мочалок командир. Ща все расскажу»

Сэм: «Тамара сбрасывает плащ. Достает из сумки телефон и, смеясь, крутит им перед лицом Владимира. Её обступают Ольга, Тоня, Мария. Лера остается стоять у цистерны»

Тамара: «Девки! Я выиграла!»

Валим: «Что выиграла сто рублей? Пятихатку? Это что, повод опаздывать на работу? Смотри Кулагина, могу и наказать!»

Тамара: «Ой, девки, смотрите на него, щеки-то надул. Прямо депутат первого созыва. А того не знаешь, что я и тебе билет купила. Все едем!»

Ева: «Куда едем?»

Мария: «Зачем едем?»

Бриджид: «На чем едем?»

Тамара: «Так вы дадите мне рассказать, сучки вы крашенные?»

Сэм: «Девушки умолкают. Владимир садится на стул, достает блокнот и что-то в него пишет»

Тамара: «Помните месяц назад Президента выбирали по электронке?»

Ева: «Кто по электронке, а кто и ногами до урны дошел».

Мария: «Я тоже всем этим электронным голосованиям не доверяю, возьмут твой голос и другому отдадут. Наипалово».

Тамара: «Да дадите ж сказать, дурынды? А то ей богу, одна в круиз поеду»

Сэм: «К подругам присоединяется Лера».

Джастин: «В какой круиз? По морю и без меня?»

Тамара: «В том то и дело, что с тобой, с тобой Маша и Тоня, с тобой и даже с этим букой Вовой Щербаковым»

Сэм: «Катя указывает на Владимира»

Тамара: «Смотрите-смотрите, делает вид, что ему неинтересно»

Джастин: «Молчать, бабы. Пусть говорит!»

Тамара: «Так вот. Помните, всем смска приходила, что все, кто по электронке голосовал, получают от государства призы?»

Валим: «Я аж на целую тышшу наголосовал. Прямо не знаю куда ее потратить. Гуляй – не хочу!»

Тамара: «Да, почти всем столько же дали. А мне девки вот...»

Сэм: «Тамара смеется, вновь показывает всем свой смартфон».

Тамара: «Я три ляма выиграла»

Сэм: «Девушки охают. Владимир встает со стула»

Мария: «Врешь!»

Ева: «Небось, квартиру в Москве купишь?!»

Владимир: «И родной завод бросишь»

Тамара: «Дуры вы, бабоньки! Я ж чего опоздала-то. Я ж в турфирме была с утра. На все деньги круиз в мае зафрахтовала по Черному морю. Теплоход, солнце, море, чайки и весь наш родной второй цех по морю – ту-ту!».

Сэм: «Владимир подходит вплотную к Кате»

Валим: «Что, и мне билет купила? Правда?»

Тамара: «Куда ж я без тебя, дурашка?!»

Сэм: «Катя нежно гладит его по плечу рукой»

Джастин: «Вот я дура-то! Решила, не стану голосовать, и так одного и того же выберут, так зачем?!» (*откладывает планшет в сторону*)...нет, извините меня, но я не знаю как это играть.

Сэм: Почему, сестра Джастин?

Джастин: Я не понимаю, как можно за своего Президента не пойти голосовать? Моя героиня, что идиотка?

Ева: То есть тебя только это в пьесе смущает? А то что через слово: бабы, дуры, девки, чо, шаз, дурынды. Что за быдлоязык у автора? И что это вообще должно значить «сучки-крашенные»?

Мария (к Тамаре): И мне многое непонятно. Неужели в России полвека назад так разговаривали с начальством: «отвали мочалок командир». Это как? Они же, вроде, на мукомольном заводе трудятся, а не на мочалкоделательном?

Паула (к Тамаре): А кто такой бука?

Абигайль (к Тамаре): А что такое «выиграла три ляма?» Это сколько?

Мария (к Тамаре): И что такое «наипалово»?

Тамара: Что вы меня-то спрашиваете? Мама при мне этих слов не произносила. Что касается Наипалово, то, думаю, это какой-то топоним в России, вроде поселка, но, возможно, авторская метафора.

Мария: Мне яснее не стало.

Паула: Я тоже не хочу эту пьесу играть.

Сэм: Что такое, сестра Паула?

Паула: Я хочу про любовь, про отношения.

Сэм (к Валиму): Что я тебе говорил – деменция прогрессирует на глазах.

Ра: Дорогая сестра, Паула. Эта пьеса как раз про отношения, про любовь.

Паула: Да? Ой, как хорошо. Тогда буду, буду.

Джастин: Простите, но нельзя было что-то из хороших русских писателей взять? Ведь были же у них... как его Ословский или этот... Пушкин.

Сэм: Пушкин. Островский. Чехов.

Джастин: Да. Точно!

Сэм: Можно. Но уже объяснял десятки раз, связь с Землей пропала неожиданно. Скажите спасибо, что хоть каких-то авторов успел скачать. К тому же, большинство авторов не писали на такое большое количество женских персонажей. (*к Еве*) Помнится, Ева ты сама возмущалась, что в каждой пьесе приходится играть мужские роли, а некоторым даже по две. Что же до языка, то – да, не Шекспир. Не Ануй. Терпите.

Бриджид: Ой, да ладно вам, сестры. Лет семь назад какого-то англичанина ставили. Так после этого год ещё матом разговаривали, даже нравиться стало.

Абигайль: Я до сих пор, после этого «Леттеринга» рот с лосьоном полощу.

Валим (к Сэму): Надо же! Название помнит, а ты говоришь деменция?!

Сэм: Ну, хорошо. Первую сцену с горем пополам осилили. Давайте сделаем перерыв на проветривание и продолжим. Тамара, отнеси пожалуйста завтрак сестре Исиоко.

Тамара кивает, достает из шкафа тубик с едой и выходит из комнаты.

Валим: А мне пьеса понравилась. Есть в ней какая-то непосредственность, дух любви, стремления любой ценой выжить.

Ева: Нравится ему?! Конечно, ты же в следующей сцене целуешься с Катей.

Абигайль(восклицает): Что, правда?! Я возмущена! Почему эту роль отдали дочери этой русской.

Ева: Ты что, пьесу не читала? Будут поцелуи-луи-луи.

Абигайль: Ты это нарочно, мразь!

Абигайль набрасывается на Еву и вцепляется ей в волосы руками, Ева делает тоже самое и они вместе начинают друг друга таскать по столовой. Кто-то визжит, кто-то подначивает их.

Валим (Сэму): Черт, побери! Ты был прав. Надо что-то делать или уже через полгода корабль в лазарет превратится – сплошные сумасшедшие старухи вокруг.

Сэм, Валим и Ра бросаются разнимать дерущихся. В проеме появляется Тамара с обезумевшими глазами.

Тамара: Там...там...там.

Сэм (удерживая Абигайль): Что? Что там? Почему ты ей еду не отдала?

Тамара: Она...она не дышит.

Мария: Как не дышит?

Паула: Кто?

Валим: Кто не дышит?

Сэм(Тамаре): Успокойся. Рассказывай.

Тамара: Я захожу. Она лежит. А вокруг всё...езде кровь. На стенах, на потолке. Я подошла, толкнула. А у нее на шее...

Тамара закрывает лицо руками начинает рыдать. Сэм, Ра и Валим выбегают из комнаты

Ева (к Джастин): Что думаешь?

Джастин: Ничего. Просто не могу в это поверить.

Мария: Чего притихли? Разве вам не понятно, что это убийство?

Ева (ко всем): Ясно же, что старина Огюст спятил и порешил бедную Исиоко?!

Паула: Поклеп! Не верю! Огюст не мог. Он хороший.

Мария: А кто еще-то? Все остальные тут были. Тамара говорит, он опустил. Пьет не просыхая, может, он точно того?! (*крутит у виска пальцем*)

Бриджит: Конечно мог! Но почему именно Исиоко? Разве Тамара не могла этого сделать? А нам мозги крутит, что это не она.

Тамара: Стойте! Можно же зайти в главный компьютер и посмотреть по камерам кто это сделал.

Ева: Отличная идея.

Ева и остальные устремляются к пульту управления и начинают стучать пальцами по клавиатуре.

Абигайль отводит в сторону Паулу.

Абигайль: Паула, дорогая, можно я у тебя в каюте сегодня останусь? Я теперь всего-всего бояться буду.

Паула: Я как раз тебя о том же хотела попросить, сестра Исиоко.

Абигайль: Паула, ты, видно, сильно переволновалась? Я Абигайль. А сестру Исиоко, (*проводит рукой себе по горлу*) её того...

Паула: Правда? А! ну, да. Ну, да. Что-то мне правда нехорошо. Думаю в лес сходить, проветриться.

От пюльта отходят недовольные члены экипажа.

Тамара: Очень-очень странно!

Ева: Да очень. Она лежит, читает...

В проеме двери появляется командир корабля Огюст Де Сент Фло. Он кое-как подстрижен, выбрит и на нем новый космический костюм.

Огюст: ...и вдруг гаснет свет и потом она уже лежит в луже крови.

Ева визжит и отскакивает в сторону от Огюста. Огюст проходит в центр столовой.

Мария: Командир?!

Тамара: Огюст?!

Ева: Командир, вы?! Не узнать вас.

Огюст: Да, я понял. Вижу, вижу как вы мне рады. Но не надо крика. Это не я убил бедную Исиоко. *(к Тамаре)* А ты молодец! И я первым делом догадался записать глянуть, как увидел, что все мужики к Исиоко рванули.

Тамара: В каком смысле увидели? Вы за нами подсматривали?

Огюст: Я же командир этой посудыны. И моя обязанность знать, что творится на корабле.

Ева: Вы что, всегда следили за нами?

Огюст: Не часто, но бывало. Только не думайте, что это синекура за вашими старыми рожа...лицами наблюдать. Так, включу монитор на минуту, пересчитаю по головам – вроде все живы. И выключу. Заметил, что Исиоко давно не видать, глянул, а вон оно что.

В столовую заходят Сэм, Ра и Валим

Сэм: Командир, вы?!

Ра: Командор!

Валим: Огюст?

Огюст: Здравствуйте, парни!

Сэм: Рады приветствовать вас, Огюст. Судя по тому, что вы здесь, вы уже в курсе.

Огюст: Нет, как раз я требую полного доклада по всей форме.

Сэм: Ну, всё началось с того, что мы как обычно...

Огюст (прерывая Сэма): Уважаемый психолог, вам не кажется, что вы заигрались в роли режиссера? Я жду доклада от моего второго пилота, как это положено по уставу корабля.

Валим делает шаг вперед, но Сэм его останавливает.

Сэм: Вовсе нет, командир! Не заигрался. И порядок на корабле, и дежурство, и ежедневные спортивные, психологические и духовные практики, включая репетиции спектаклей, были продолжены и развиты именно при моем непосредственном участии. Делал я это много лет до, и продолжил после вашего добровольного самоустранения от управления кораблем. И скажу как есть: ваше неожиданное появление среди нас, наложенное на только что совершенное преступление выглядит сверхподозрительно. Что вы здесь забыли, Огюст?

Огюст: Вы с ума сошли, Сэм. Я приказываю вам заткнуться.

Сэм: Огюст, вы утратили право приказывать 39 лет назад, когда, возможно, по вашей вине корабль вместо Марса свернул в глубокий космос. Что же до сегодняшнего, то я знаю, что такое беспробудное ежедневное пьянство и к чему оно приводит. Удивительно, что вы еще не сдохли от цирроза или не свихнулись. Хотя последнее не факт.

Огюст хватается за стул, замахивается на Сэма

Сэм (к Ра и Валиму): Связать его!

Ра и Валим наваливаются на Огюста, роняют, и вяжут его. Женщины визжат.

Огюст: Придурки, но зачем же мне её убивать?

Ра: Мы не знаем, может это был конфликт на бытовой почве или она вас винила в смерти мужа. Но вы единственный кого не было в столовой на момент убийства.

Огюст (к женщинам): Но вы же видели, что меня на видео нет.

Сэм (к женщинам): Кто что видел?

Ева: Мы посмотрели запись с камер, но там свет гаснет, а потом Исиоко уже лежит в крови и делает так ножкой (*показывает конвульсии Исиоко*)

Огюст: В вас умерла великая актриса, Ева!

Ева: Спасибо, командир! (*делает книксен*)

Валим (к Огюсту): Вы могли выключить свет, убить ее, вернуться и стереть запись.

Огюст: В принципе мог. Тут ты прав, Валим. Стоп! А как ее убили?

Тамара: Перерезана сонная артерия.

Огюст: Так, то есть после удара кровь хлестала во все стороны?

Тамара: Скорее всего так.

Огюст: Но как видите, на мне ни капли.

Сэм: Ничего это не значит. Вы могли успеть переодеться, а кровь смыть.

Огюст: Так это легко проверить. Пусть кто-то сходит в рубку и убедится – всё мое рубище лежит возле кресла.

Сэм (к астронавткам): Тамара и Ева, можно вас попросить сходить в капитанскую рубку, и проверить его слова?

Тамара и Ева выходят из столовой

Огюст(вдогонку): И чтобы два раза не ходить проверьте все холодное оружие? Может тоже найдете?

Сэм: Спасибо, командор! Я об этом как-то не подумал. *(к Джастин)* Сестра, Джастин, посмотрите все ли столовые приборы на месте?

Джастин подходит к шкафу, открывает его пересчитывает.

Огюст: Надо же – сестры! Ты тут Братство учредил или секту? И кому молитесь? *(к экипажу)* А-а! Это он тут у вас единственный Бог и царь?

Сэм: Завидуете? А не надо было руль из рук выпускать и беспробудно пить. Кстати, как вы смогли пронести на корабль пойло и скрывать его столько лет?

Ра: Подожди, Сэм. Если можно посмотреть кабину Исиоко в момент убийства, то мы таким же образом можем просмотреть запись в командирской рубке?!

Огюст: Ну, хоть один мозги не растерял ещё. Bravo, Ра!

Сэм: Да уж, не пропил, как некоторые.

Сэм, Огюст и остальные кроме Паулы направляются к экрану монитора.

Огюст (шепчет): Паула, Паула, псс! Иди сюда.

Паула подходит к командиру Огюсту

Огюст: Родная, развяжи меня побыстрее. И принеси что-нибудь попить.

Паула: Мужчина, а вы кто? Я вас не помню.

Огюст: Паула, это же я Огюст. Командир твой. Развяжи меня.

Паула пятится от Огюста.

Паула: Не, не, не. У нас командует Сэм. И он живой.

Огюст: Святая, Мадонна. Да тут клиника. *(к остальным)* И что там?

Астронавты отрываются от монитора. К Огюсту подходит Сэм. Развязывает руки Огюсту.

Сэм: Знаете, Огюст. Поведение у вас было такое, что мы просто обязаны были... ради сохранения порядка. Приношу свои извинения, кэп!

Огюст: Я восстановлен в должности?!

Сэм, Ашварами Ра и Валим отдают командиру честь

Огюст: Я по-прежнему жду доклада.

Валим: Прошу прощения, за какой срок? Вы же сами отдали распоряжение больше вас докладами не беспокоить.

Огюст: А теперь отменяю распоряжение.

Валим: За прошедший с момента аварии период никаких особых происшествий с кораблем не произошло. Мы по-прежнему летим курсом на Альфа Центавру.

Огюст: Меня интересуют события сегодняшнего дня.

Валим: В районе одиннадцати часов по земному времени космонавтом-биологом Тамарой Васильевой было обнаружено тело первого инженера-конструктора Исиоко Кабо. Примерное время смерти десять часов. Удар нанесен в район горла острым металлическим предметом, возможно, ножом.

Огюст: Очень хорошо! Не растерял хватку, старина. *(к Джастин)*. Что с ножами, Джастин?

Джастин: Одного не нашла.

В столовую входят Ева и Тамара.

Ева: Ваш костюм, командор, лежал там, где вы и сказали. Пятна крови отсутствуют.

Тамара: Никаких ножей мы не нашли.

Огюст: Что и требовалось доказать. Следствие, как говорится, зашло в тупик. Но не надо рыдать! За дело берется опытный сыскарь комиссар Огюст Де Сен Фло. *(Огюст довольно потирает руки)*. Сэм, у вас в столовой пропал нож, как бы вы действовали дальше?

Сэм: Хоть мне это и неприятно говорить, но я бы перлюстрировал все вещи членов команды. Наверняка найдется. «Марсоним 1» не такой уж и большой корабль.

Огюст: Перлюстрировал?! Мать, Мария! Какой язык! Это из какой пьесы? Ха-ха! Выражайтесь проще первый помощник комиссара, и звезды к вам потянутся. Перлюстрировал! Ха! Обыск! Учиним обычный обыск!

Все женщины разом: «как обыск?» «кого обыскивать?» «у нас обыск?»

Огюст: Ну, закудахтали! Да обыск! В кой-то веки на корабле нормальное дело – убийство человека! Я наделяю себя самыми широкими полномочиями! Приказываю психологу Сэму и бортинженеру Ра приступить к поэтапному обыску всех кают. А до их возвращения никому из столовой не выходить.

(Сэм и Ра выходят)

Бриджид: А нам что делать?

Ева: А если они ничего не найдут?

Абигайль: Я теперь уснуть не смогу. Мне страшно.

Джастин: И я боюсь.

Огюст: Если обыск виновного не выявит, приказываю: по кораблю перемещаться только парами. А столовая теперь не столовая, а общая спальная комната.

(недовольный гул всех присутствующих)

Паула: Я без своей подушки не усну.

Огюст (к Пауле): Перетерпишь. *(ко всем)* Что же касаето того чем заняться... а что вы делали до моего возвращения?

Ева: Пьесу ставили.

Огюст: Вот и продолжайте.

Валим: Но вы Сэма отправили на обыск, а он у нас бессменный режиссер.

Огюст: Я смотрю вы без него никуда. В туалет-то хоть сами ходите? Ну, да ладно... временно режиссером буду я. Тамара перескажи суть пьесы.

Тамара: Все действие происходит в России в начале века. Рабочая мукомольного завода Катя Кулагина, которую я играю, выигрывает денежный приз и на все деньги покупает для своих коллег по цеху и своему начальнику Владимиру круиз по морю. Но во время круиза моя героиня влюбляется в мужественного капитана корабля Егора Дронова. Владимир ревнует мою Катю к Дронову и устраивает на корабле поломку двигателя. Корабль теряет курс и начинает дрейфовать в море. Вся картину происшествия усугубляет образовавшийся вокруг корабля сплошной туман и потеря связи с землей. Постепенно на корабле загадочным образом начинают гибнуть друзья Кати, Лера и Владимир. А настоящий убийца почти сразу ...

Огюст: Какая странная пьеса. Кто ж такое придумал? Сэм что ли написал?

Ева: Нет. Сэм накачал земных авторов пока связь была. Между прочим, у меня когда-то неплохо получалось писать пьесы, но этот горе-режиссер всё отверг.

Валим: А пьеса называется «Сквозь пелену»

Огюст: Сквозь пелену? Ну, и название. Нет, чтобы, нормальное что-то придумать: «Смерть на корабле» или...

Тамара: Командир, а почему пьеса вам кажется странной?

Огюст: Сама идея, чтобы рабочая завода смогла вывезти всех работников цеха на морской круиз, изначально кажется подозрительной. Зачем попусту тратить деньги если только ты не хочешь кого-то убить?

Все хором: *начинает одобрительно гудеть.*

Паула: А ведь как точно подмечено, сестры!

Абигайль: Вот и Исиоко не доверяла этим русским писателям!

Огюст: Меня больше другое волнует.

Все хором: «Что?»

Огюст: Сходство истории в пьесе с нашей. Смотрите: как я понял, корабль теряет курс из-за поломки?

Все хором: «Теряет!»

Огюст: Они как и мы полностью слепы – и у них и у нас пропала связь с землей?

Все хором: «Пропадала!»

Огюст: Вот и подумайте.

Валим: То есть вы намекаете на то, что разгадка убийства Исиоко скрывается в пьесе?

Огюст: И?!

Валим: И если продолжить ставить пьесу...

Огюст: Молодец, старина! Только зачем тратить силы на постановку, когда можно заглянуть в конец пьесы. Чем там у автора закончилось? Кто убийца?

Ева: Убийцей оказался юнга корабля Юрий. Он же сын капитана Егора. Он скрывался в трюме, хотя капитан думал, что оставил его в порту.

Тамара: Исиоко должна была играть Юрия.

Огюст: Стоп! А кто-то еще претендовал на эту роль?

Тамара: Никого. Сэм сказал, что если она откажется, то он сам сыграет.

Огюст: Понял – порожняк.

Валим: Какой порожняк?

Огюст: Ну, так говорили, когда версия оказывалась тупиковой. Мы же не можем всерьез думать, что на корабле находится ещё кто-то, кого мы за сорок лет путешествия до сих пор не видели?!(к *Тамаре*). А из пьесы становится понятно зачем этот юнга всех убивал?

Тамара: Да, в финале Юрий признается, что он таким образом мстил всем женщинам за свою погибшую мать. А Владимира убил случайно, спутав его с Катей.

Огюст: То есть он маньяком женоненавистником оказался?! Нда, где те прекрасные времена, когда русские авторы убивали не больше двух старушек за пьесу и потом долго-долго каялись?

Все грустно вздыхают.

Абигайль: Вот и Исиоко не хотела эту пьесу...

Тамара: Да слышали уже!

Валим (к Абигайль): Хватит ныть.

Огюст: Ну, чего сидим? На чем вы там застряли?

Тамара: На второй сцене.

Огюст: Ну, так давайте. Кто за автора был?

Валим: Сэм был...

В столовую входят Сэм и Ра.

Сэм: Короче, мы всё перетряхнули и магнитом, и сканером прошлись. Ножа нигде нет. Да, может, и не ножом её. Любой острый предмет сгодится.

Огюст: Вы вовремя. Мы тут свое расследование провели, и пришли к мнению, что у этой дурацкой пьесы с нашим сорокалетним путешествием много общего.

Валим: Капитан предложил хорошую идею. Если поставим пьесу, то сможем разгадать убийство Исиоко?!

Сэм: Неожиданно. Командир, а вы готовы роль юнга на себя примерить?

Огюст: Да маньяк мое второе имя! Приступайте, Сэм.

Сэм: Хорошо. Я предлагаю пропустить вторую сцену и перейти к третьей. Согласны?

Нестройный хор : «Как так?», «Ужас». Все нехотя берут планшеты, рассаживаются.

Сэм: «Палуба теплохода «Павел Деревянко». Открытое море. На палубе стоят Женя, Тоня, Ольга, Мария, Лера, Кира и Катя. В их руках бокалы с шампанским. На шезлонге лежит Владимир по пояс голый. С трапа спускается капитан Егор Дронов»

(возникает тишина сквозь которую слышно явный храп, все оглядываются на Паулу, она спит, сидя на стуле)

Огюст(громко): Та-ак!

Сэм: Что, уже двенадцать? Тише, командир! У нас тут свой распорядок сложился – в это время тихий час до обеда.

Огюст *(переходит на полусшепот)*: Да и черт с вами! Отдыхайте. Я сам устал вашу болтовню слушать. Но приказ такой: никто из столовой не выходит до окончания следствия. Спать и есть будем тут.

Мария: Что? Без подушек?

Абигайль: И я без подушки не усну. Я сжилась с ней.

Сэм: Мужчины-то ладно, но что, и им *(указывает на женщин)* на полу спать?

Огюст: Да, есть будем на стульях, а спать на полу. Вот ведь неженки. В туалет выходим обязательно по двое. Ра, прошу тебя, сходи, собери этим одуванчикам подушки и тащи сюда.

Ра: Слушаюсь, кэп!

Ра выходит. Все укладываются спать.

Валим: Может тогда свет пригасить?

Огюст: Гаси!

Огюст отходит в сторону и укладывается на полу. К нему подходит Тамара, толкает командира.

Огюст: Чего тебе?

Тамара: Когда вы появились в дверях, я испугалась даже – не узнала. Почему вдруг решили прервать свою схимну, и выйти из добровольного заточения?

Огюст оглядывается по сторонам, садится на корточки

Огюст: Я как раз по этому поводу и пришел. У тебя что-то из той зеленушки ещё осталось?

Командир бьет себя ладонью по горлу

Тамара: Не поняла? Какой такой зеленушки?

Огюст: У тебя есть что выпить?

Тамара: Откуда? Да и не было никогда?

Огюст: Как это не было? Я считай целый год только за счет этой зеленой жижи выживал? А вчера ручеек иссяк?

Тамара (удивленно смотрит): Какой ручеек?

Огюст: Тома, не тупи. Лет двадцать назад вы с матерью из лаборатории через капитанскую рубку и дальше по кораблю протянули какие-то трубки, ну, чтобы не плавать каждый раз за едой через семь отсеков. Ваша выжимка из сока водорослей по ней напрямую в кухню попадала. Так вот, одна из этих трубок почти сразу дала течь. Я на язык-то капнул – боже! Лучшего самогона и не пробовал! У меня через месяц все боли прошли, остеохондроза как не было, рубец на локте зажил. Каюсь, – скрывал. Один пользовался. По этой же причине и не выходил из каюты, думал, прознаете и перекроете ручеечек. А надясь она – бац! И всё! Сама перестала капать.

Тамара: Вы очумели! По трубке чистый бензогидрохлорид осмия в смеси с неочищенными водорослями пищапки болотной текли! Как вы еще живы то? Там двухсот грамм достаточно чтобы убить слона...

Сэм: Тише вы, всех разбудите!

Огюст: (Сэму): Хорошо, хорошо. *(Тамаре)* Мне пофиг как это зовется. Ты можешь сделать чтобы оно опять закапало?

Тамара: Погодите. Возможно, повышенный радиационный фон нейтрализовал действие осмия и превратил яд в алкоголь?! Если так, то это настоящий прорыв в науке! Оживлял, говорите?! Не может быть?! Это открытие!

Огюст: Да какая наука? Для этих мумий что ли? Ты лучше сделай так, чтобы опять закапало.

Тамара: Ничего не смогу. Всё!

Огюст: Что такое? Я приказываю!

Тамара: Я же вам говорила уже: почвы иссякли, наши органические отходы не удобряют ее, влага не впитывается, сквозь неё идет.

Огюст: Я то думал, ты это всё придумала, чтобы меня от пьянства оградить. А оно что же, правдой оказалось?! Тогда так – норму питания с сего дня урезаем. Им соври что-то.

Тамара: Что?

Огюст: Не знаю, про временные трудности.

Тамара: Хорошо! Хотя...это грустно осознавать, но получается, что смерть Исиоко нам всем на руку – на месяц-полтора дольше теперь протянем.

Огюст: Точно! Всё, отдыхай.

Тамара ложится. В столовой слышно мерное сопение и храп. Огюст осматривается и медленно поднимается. Он проходит между спящими. Обращает внимание на одного из лежащих – Паулу. Достает шприц и делает ей укол. Паула приподымается на локтях, выдыхает шумно, и успокаивается. Огюст так же тихо уходит. Все спят.

СЦЕНА 3

Валим во сне кричит. Просыпаются Сэм, Огюст, Тамара, Ева.

Сэм: Валим, Валим. Что с тобой?

Валим(вскакивая): Сон. Очень плохой сон. Будто-бы опять кого-то убили.

Огюст: Да, что вы тут все с ума что ли посходили?

Ева: Ну, да. И это говорит человек, который забил на управление кораблем и весь год беспробудно пьянствовал.

Сэм: Как это не прискорбно, но сестра Ева права.

Валим: Мне последние дни только нехорошие сны снятся.

Тамара: Что за сны?

Абигайль подходит к Пауле и что-то ей говорит на ухо.

Валим: Будто-то бы мы вернулись на Землю. И главное – Земля целая, никакой мировой войны давно нет, нас встречают: играет музыка, оркестр, светит солнце, открывается люк, а из всех членов экипажа на свет появляется только Еле...

Абигайль вскрикивает и пьтится от Паулы

Огюст: Черт возьми! Кто кричал? Включите же свет наконец!

Сэм включает свет. Паула лежит без движения.

Тамара: Боже, что это?

Огюст наклоняется к телу Паулы и проверяет пульс, когда отпускает руку, то поднимается крик женщин, все жмутся к стенам. Тамара подходит к Пауле, с интересом осматривает ее тело, лицо, руки.

Огюст: Всем молчать! Стоять – не шевелиться! Я считаю.

Огюст начинает считать астронавтов.

Огюст: А где Ра? Он же должен был за подушками пойти?

Огюст: Валим помоги Сэму отнести тело Паулы в медотсек, а потом вместе найдите бортинженера.

Валим: Слушаюсь, командир.

Сэм и Валим выносят Паулу.

Огюст (потирая руки): Становится все чудесатей и чудесатей. Как в Овремя я вернулся в этот серпентарий. Тамара, а найдется чего-нибудь поесть? Не могу думать, когда голоден.

Бриджид: Как вы можете есть в такую минуту? Нас тут режут как... как...

Ева: Как овец!

Бриджит: Да! А ему бы пожрать. Ни стыда, ни совести.

Тамара вынимает из шкафа два тубика с пастой. Присаживается рядом с Огюстом. Оба едят.

Джастин: А ведь Исиоко была права!

Огюст: Ты о чем?

Джастин: Она предупреждала – будете ставить пьесу русского писателя и накличете смерть!

Все кроме Огюста и Тамары: «Точно!», «верно», «так-так».

Огюст: Что, прям так и сказала – накличете?

Абигайль: А я говорила, говорила, что все беды от русских.

Ева: Это же по их вине нас на Марс отправили! Оторвали от родных, от дома.

Мария (к Тамаре): Посмотрите на неё! Жрет сидит, не подавится. А это всё вы! Вы, русские развязали третью мировую войну.

Джастин: Точно! Они первыми на нас ракеты послали! Всех наших мужчин изничтожили!

Абигайль: Верно! Это она всех убила! Я видела!

Тамара: Что ты видела? Ты без своих очков дальше метра ничего не видишь.

Огюст: Замолкли разом, курицы! Тома со мной была (*подходит к монитору*). Рядом лежала. Сейчас посмотрим запись и увидим кто убил.

Тамара: В столовой камер отродясь не было.

Огюст: Как так? Почему?

Мария: А чтобы убивать было сподручней!

Тамара: Сестры, вы себя слышите? Это же не я придумала устроить тут ночлег. (*Огюсту*) Камеры при закладке корабля не предусмотрели.

Возможно, посчитали, что прием пищи такой же интимный процесс, как и отправление естественных нужд.

Абигайль (указывая то на Огюста, то на Тамару): Сестры, нас нарочно сюда заманили. (*кричит*) А-а-а! Режут! Помогите! Убивают.

В столовую вбегают Сэм и Валим.

Сэм: Командир там...

Огюст: Что там!? Вот у нас тут трагедия! Макбет какой-то, принц дамский! Кстати, Сэм вы еще не придумали название для своей постановки? Нет? Так я подскажу: «Смерть на корабле» или нет «Убийство под Альфа Центаврой», а ещё лучше – «Мочим старое, сушим ветошь». Как вам? (*переходит на крик*). Совсем охренели?! По кораблю настоящий убийца шастает, а вы... и на кого?

Сэм: Командир, там...

Огюст (указывает на Тамару:) На ту, которая вас столько лет от голодной смерти спасала?! Да не будь её с матерью, мы еще лет двадцать назад все передохли...

Сэм: Командир, там...

Огюст: Что вы затамкали, Сэм? Там, там. Валим, где Ра?

Валим: Его больше с нами нет.

Все женщины в испуге охают.

Огюст: В смысле?

Валим: В прямом. С ним то же что и с Исиоко, перерезано горло.

Тамара: Ах! Но подождите, как же так? Кроме вас все тут были. Все спали.

Огюст: Точняк. Продолжай, Тома.

Тамара: Предположим... только предположим, что убийца Паулы спал среди нас. Вернее, делал вид что спит. Но не мог же он одновременно убить Ра, а потом быстро вернуться и убить Паулу.

Члены экипажа согласно кивают

Огюст: Тома права. Мы проспали не больше пятнадцати – двадцати минут, пока нас не разбудил крик Валима.

Сэм: И, кстати, с памяти компьютера момент убийства Ра тоже стерт.

Тамара: Вот как?! Но убийце Ра пришлось бы сначала влезть в главный компьютер, чтобы стереть запись. Потом пролететь весь корабль, чтобы вернуться сюда. И заметьте, его тоже убили тем же способом, что и Исиоко. И кровь разлетелась бы по всей каюте, и наверняка осталась на одежде. Но ни на ком из нас крови нет.

Абигайль: А я говорила, что эти двое орудуют вместе. (*орет*) Помогите, убивают!

Огюст: Кто-нибудь дайте этой дуре чем-нибудь тяжелым по башке!

Абигайль замолкает

Тамара: Нет, командир, Абигайль права. Сэм, помните лет семь назад, кажется, мы ставили довольно слабую пьесу какого-то Тома. Что-то про убийства, следствие.

Сэм: Это была пьеса Роберта Тома.

Тамара: Возможно. Я только запомнила, что инспектор в ней сравнивал убийства и говорил, что они разные. Постоянно упоминал, про разный... почерк. Вот и тут. Исиоко и Ра убиты ножом. А Паула другим способом. Другой почерк. Значит и в случае с Паулой был другой злодей.

Огюст: Да, ну перестань. У нас что тут ОПГ астронавтов? А разве не могло быть, что Паула умерла по естественным причинам? Все же возраст, уже хорошо за шестьдесят. Сердце могло не выдержать, переживания и прочее...

Валим: Верно. Ведь только-только её подруга Исиоко погибла.

Тамара: Не похоже. По быстрому почернению ногтей и запаху из рта, это скорее отравление ядом.

Все женщины охают.

Абигайль: Боженьки, боженьки! Отравление.

Ева: Мы тут все сдохнем.

Огюст: А ну, тогда всё вообще яснее ясного. Она просто устала терпеть неизвестность. Потеряла смысл жизни, и приняла яд.

Сэм: И то верно. Спать в столовой и без подушки, кто не захочет сдохнуть?

Огюст (наступая на Сэма): Сарказм, да?! Ну, поюродствуй тут.

Мария: Она так любила танцевать.

Бриджит: Она так любила вас, Огюст.

Ева: Не правда, она всю жизнь была влюблена в Сэма.

Джастин: Все враки! Она мне как-то призналась, что мечтала только о Валиме.

Абигайль: Да что вы на нее наговариваете...

Огюст: Молчать, курицы! Не потерплю на корабле бардака! Продолжай, Тома.

Тамара: Я конечно, позже еще раз осмотрю тело, но если яд был не в ампуле, то должна была остаться хоть какая-то упаковка.

Огюст: Команда! Слушать меня! Мы, конечно, можем продолжить расследование, но столько смертей за один день, что один черт знает куда нас кривая выведет. В итоге под подозрением окажутся все. Мы все разнервничаемся. Будем видеть убийцу в каждом. Только ещё хуже станет.

Валим: Что вы предлагаете, Огюст?

Огюст: Предлагаю отвлечься. Расслабиться. Сэм, если команда не против, то

я бы просто послушал хорошую спокойную музыку. Мария вот танцевать хотела.

Мария: Танцевать? В такую минуту?

Огюст: Не знаю, ну продолжите играть свою пьесу. Может, и правда, в ней мы найдем разгадку убийствам?

Бриджид: Какая к черту пьеса, когда на корабле труп на трупе?!

Огюст: Ну, предложите что-то получше...сестры.

Сэм: Я не знаю. Не уверен на счет репетиции. Надо думать.

Все расходятся в разные стороны.

Ева: А кто помнит какой сегодня день?

Валим: Сэм говорил, что двадцать четвертое. Тебе зачем, сестра Ева?

Ева: А месяц?

Валим: Вроде, декабрь.

Сэм: Нда! Долетели бы до Марса, сегодня бы сидели, Рождество отмечали.

Мария: А никто не помнит, почему мы его перестали отмечать?

Валим: Потому что праздник напоминал о Земле, о родителях, людях.

Мария: Точно! Ностальгия, видите ли, вредит здоровью.

Джастин: Чем старше становлюсь, тем чаще вспоминаю родных.

Абигайль: А я каждый день их вспоминаю.

Огюст: Чего ты там можешь помнить, деменция?

Абигайль: В смысле? У кого деменция?

Огюст: В коромысле.

Сэм: Командир, замолчите.

Огюст: Молчу.

Сэм отводит Тамару в сторону.

Сэм: Это ты ему рассказала о Пауле и Абигайль? Об их болезни он мог узнать только от тебя.

Тамара: Я не думала, что он станет...

Сэм (*передразнивая*): Не думала. Он же алкаш. У них что в уме то и на языке.

Тамара: Стоп, стоп!

Сэм: Что такое?

Тамара: Я делала расчеты по ресурсам, и рассказала ему, что скорее всего еды хватит месяцев на пять, ну, при вчерашнем составе экипажа...А вдруг он решил, что если нас станет меньше, то мы сможем протянуть еще дольше?!

Сэм: Тсс! Тихо! Что, правда всего на пять месяцев?

Тамара: Это в лучшем случае – кислород резко тает. Ну, это было до того как Исиоко... Теперь, учитывая, что не стало троих, может, ещё месяцев на четыре-пять больше. Надо сделать перерасчет.

Сэм: А кому ты еще свои расчеты показывала?

Тамара: Никому не показывала. Только ему рассказала.

Сэма: А слышать кто-то мог?

Тамара: Вроде никто. Мы вдвоем были.

Сэм: Вполне мог и он убивать. Что же... что же делать?

Тамара: А помнишь в пьесе этого драматурга Тома убийцу взяли на... как это... на живого, кажется?

Сэм: На живца. То есть ты предлагаешь дать ему приманку?! Отличная идея. И кто же у нас будет живцом?

Оба поворачивают голову и смотрят на Абигайль

Сэм: Точно. Он же знает про её деменцию! Как будем действовать?

Тамара: Думаю при свете он убивать не станет. Будет ждать ночи. Сделаем так: ты ляжешь с одной стороны от Огюста, а я с другой. Если это действительно он, то когда подойдет к ней, включим свет и ...

Сэм (жмет ей руку): На живца! Классно придумано! А я знаю, как сделать, чтобы все устали и захотели спать.

Сэм и Тамара возвращаются к остальным.

СЦЕНА 4

Сэм: Мы тут посоветовались, и я пришел к выводу, что командир опять прав. Вместо того, чтобы трястись по углам от страха, нам надо продолжить ставить пьесу. Да без Ра, без Паулы и Исиоко. Но основной состав цел. Думаю, всем это только пойдет на пользу – хоть ненадолго, но отвлечемся. Огюст, к черту юнгу. Справитесь с ролью капитана Дронова.

Огюст: Ха! Да мне и выдумывать-то ничего не придется – моя роль.

Сэм: Сестры, вы согласны продолжить?

Ева: Если вас интересует мое мнение, то лично я против!

Все женщины кроме Тамары выходят вперед и по очереди заявляют, что они против.

Огюст: Ну, что ж. Это даже хорошо. Поскольку, вы теперь ни при делах, и энергию на постановку тратить не придется, то с сегодняшнего дня паек урезается вдвое.

Все начинают протестовать.

Огюст: А тем, кто бунтует еду выдавать раз в три дня.

Сэм: Сестры! Наш командир не зверь какой-нибудь. (*отводит Огюста в сторону*) Подыграйте мне, Огюст. (*команде*) Думаю, он шутит. Мы конечно же тут же приступим к репетиции. Но сначала, что?

Ева: Прочтем молитву.

Сэм выходит на авансцену и все по ранжиру строятся вдоль него даже Огюст. Все по очереди опускаются на колени. Чуть вперед выходит Ева.

Ева: Господи! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный дай нам днесь. И избави нас от лукавого. И не прерви наши репетиции мором, напастями и прочими коварными пакостями...

Ева начинает плакать. Наступает неловкая пауза

Мария: Помню было мне года четыре, жила я тогда с родителями в Хайфе на бульваре Ханасси недалеко от сада Ха Эм, ну, где Зоопарк. И как-то под Рождество звонок в дверь. Мама открыла дверь, я выбежала, а на пороге стоит не дядя в черной рясе, с кипой и пейсами на голове, а странный седой мужик с длинной бородой, усами, в голубом пальто и такой же синей шапке. Он прошел, усадил меня на колени и давай меня пытаеть, а какие ты Мария стихи знаешь? А я тогда стихов совсем не знала. Он очень удивился этому и вновь – а какие Мария ты знаешь песни? Если не споешь мне ни одной песни, сказал он страшным низким голосом, то не исполню я твоего самого заветного желания. И посмотрел на мешок возле ног. Я тогда больше жизни хотела новую куклу иметь. Ну, хоть и малая была, но допетрила, что он мне именно её и принес в мешке. А со страху, что эту куклу не получу, вообще все песни забыла...а вот сейчас, окажись этот старик тут, я бы на коленях об одном молила...пусть хоть ненадолго, на минутку, одним глазком...маму с отцом, Землю увидеть...

Ронья слезу, начинает петь «Хава Нагилу»

Джастин: И я возле Чайлдс парка жила в Сент-Питерсберге штат Флорида. У меня только лет с семи какие-то первые воспоминания. Отца вообще не помню. Меня с младшей сестрой воспитывали мать с отчимом. Жили плохо. Завидовала детям, которые рассказывали, что к ним приходит Санта и дарит подарки на Рождество. Сестра за мной все донашивала, что мать в секунд хенде набирала. Помню, мне, наверное, уже тринадцать было, я шла в маркет, а жара была дикая, хоть и декабрь. Смотрю два мужика стоят полуголые и пиво глушат, болтают, ржут. Ни на кого внимание не обращают. А рядом их одежда лежит. Съёмные бороды, усы, шапки и шубы Санты. И такой у этих шуб с золотыми звездами был волшебный вид. Такой небесный. Я ещё подумала: вот бы сеструхе из такого платье на день рождения пошить.

И как-то так случилось, даже не заметила, я уже дома стою, а в руке у меня она, шуба эта. С сестрой после этого даже ссориться перестали. И если бы была возможность, вернуться, то ...сделай так, Господь, что я никуда от сестры не уйду, и её никуда не отпускаю – мы вместе.

Роня слезу, начинает напевать гимн США

Тамара: А я то их и не видела вовсе. Мне мама только рассказывала, и про деда Мороза, и про Снегурочку. Сказки про них разные сочиняла. Да, что ж я?! Вы ж всё про меня знаете, у вас на глазах выросла. Но вот один эпизод из детства врезался навсегда. Сидим мы с матерью у себя в каюте, она меня на коленях качает. Что-то, кажется, про смысл Рождества рассказывает, и тут отодвигается панель и на пороге появляется странный тип. Я даже испугалась. Вроде костюмы наши, корабельные, а на лицо чужой: борода белая, длинная, (тогда ещё никто из вас, братья, седым-то и не был), брови тоже белые. И говорит по-русски странным грудным голосом, но с акцентом: «дефочка, я тебе подарунки принес к рожеству». И достает из-за пазухи, чтобы вы думали? Три мандарина! Настоящие, живые! Я их тогда только через стекло в лаборатории видела, как росли. Дед этот мандарин разломил и мне протянул. Никогда не забуду этого аромата. И пока я их лопала этот странный дед к матери подсел, обнял и они оба на меня смотрят таким взглядом, который я буду помнить до самой смерти. Смотрят так нежно и поют:

Начинает петь «Маленькой елочке холодно зимой»

Мария прекращает петь Хава Нагилу, Джастин перестает петь гимн, обе подходят к Тамаре, обнимают ее и, плача, начинают подпевать Тамаре. Утирающий слезы Валим подходит к Тамаре

Валим: А у нас в Хан-Юнисе мандарины никто за еду не считал. Как сорняк везде рос. Детьми ими в войну играли, бросали их как гранаты...

Абигайль: Я не поняла, Тома, а кто это к тебе с мандарином то пришел? Где он теперь?

(женщины перестают петь, все смотрят на Абигайль)

Огюст: Вот дура, такую песню испортила.

Бриджит (вздыхая): Вот и отдохнули.

Ева (к Абигайль): Да это отец к ней приходил, тупица.

Абигайль: Где отец? Какой такой отец? А почему к ней приходит, к ко мне нет? Погодь! Это я тупица?! Да я тебе сейчас...

К Абигайль подбегает Сэм и разнимает вспыхивающую драку

Огюст: Так! Я смотрю воспоминания пошли всем на пользу. А от некоторых хоть сейчас батареи заряжай – энергия так и прёт.

Сэм (берет планшет): А вот мы сейчас и направим энергию в правильное русло. Все взяли планшеты. Сцена девятая.

Ева: А почему сразу на девятую перескочили? До нее ещё семь сцен не разобрали.

Огюст: По кочану. Сэм режиссер. Как сказал, так и будет!

Сэм: Благодарю, командир! «Палуба корабля «Павел Деревянко. На палубе, закутавшись в пледы, стоят Катя, Лера, Ольга, Тоня и Мария. Их окружает густой туман. На расстоянии вытянутой руки никого не видно...»

Ева: Не поняла, а я где? Где моя Кира.

Сэм: Киру твою убили ещё в четвертой сцене.

Ева: Ну, отлично. И так слов с гулькин...а тут вообще – сиди отдыхай.

Джастин: Можно продолжить читку?

Огюст: Ты куда-то торопишься?

Мария: Вообще-то третий час уже. И есть уже хочется...

Абигайль (зевая): И спать тоже...

Сэм: Эту сцену пройдем и все отдохнут. Работаем: «Катя слышит шаги»

Тамара: «Егор? Егор это ты? Егорушка где ты, нам страшно»

Бриджит: «Очень страшно»

Мария: «А вдруг убийца и до нас доберется?»

Тамара: «Вот поэтому нам всем надо держаться вместе. Девки, вы простите меня дуру дурную. Если б я знала, чем это обернется я б своими грабками до урны дочапала и лично за гаранта проголосовала»

Огюст (зевая): Сэм, какую же ты всё-таки нудную пьесу выбрал.

Огюст, зевает во все горло, опускается на пол, и пристраивается к стене.

Сэм: Не отвлекайте, Огюст. «Собравшиеся на палубе слышат женский смех и вслед за ним выстрел. Девушки вскрикивают»

Бриджит: «Слышали?»

Мария, Тамара, Абигайль, Джастин и Ева поддакивают

Абигайль: «Это кто стрелял?»

Бриджит: «А кто знает?! Не видно ни зги»

Мария: «И что нам тут всю ночь стоять?»

Джастин: «А я считаю, что лучше тут стоя померзнуть, чем в каюте тепленькими лежать»

Сэм: «Слышны шаги. Они все ближе и ближе. Из тумана появляется мужская фигура. Это капитан Егор Дронов» ...ну, кэп, ваш выход...

Все смотрят на Огюста. Он лежит с закрытыми глазами.

Сэм: Тсс! Даже не смей никому дышать. Устал, поэтому ложимся спать рядом. Дежурными назначаю себя и Тамару. Валим и Ева, через час пересменок.

Все укладываются спать. Сэм по одну сторону от командира, Тамара по другую. Сэм выключает свет.

Слышна спокойная космическая музыка.

СЦЕНА 5

В стене отодвигается ниша и из неё на корточках выползает человек весь в черной одежде. Он направляется к Абигайль. Заносит руку с ножом над Абигайль и несколько раз бьет её. В это время Тамара замечает черную тень, вскрикивает, и резко толкает Сэма.

Сэм: Тома что?

Сэм вскакивает, включает свет. Видит человека в черной одежде и бросается к нему, но отскакивает, видя направленный на него нож, Тамара преграждает путь к дыре в нише.

Человек в черном: Уйди – убью!

Тамара: Мама?! Ты?

Сэм: Елена?!

Все астронавты вскакивают. Кричат: «Лена! Лена!»

Черный человек снимает с себя маску. Им оказывается мать Тамары Елена Васильева.

Лена: Хорошо же вы меня обложили? Не уйти. Не удивлюсь, если узнаю, что родная дочь меня и вычислила.

Тамара: Мама, я не понимаю. Ты же умерла? Или мне это все снится?

Валим: Тогда мы все спим. Лично я её вижу, и нож в её руке.

Сэм: Но ведь мы клали твое тело в капсулу, видели, как она сгорает.

Елена: Дурачье старое! Вас обмануть, как два пальца об астроблюду. Что? Интересно где я столько времени пряталась?

Ева: Да что вы с ней говорите? Вяжите её. Мужчины, вас же трое, а она одна.

Валим хватается за стул и начинает подступать к ней, то же самое делает и Сэм с другой стороны. Со спины пытается подкрасться Ева.

Сэм: Елена брось нож, у тебя никаких шансов. Нас девять ты одна.

Елена: Не девять, а восемь. Абигайль уже нет.

Слышны испуганные крики женщин астронавтов

Елена: Идиоты, я же ради вас восьмерых это все и делала.

Тамара: Мама, это не можешь быть ты. Нет. Ты не такая.

Елена: Такая дочь, такая! Хорошо. Шансов против вас у меня и впрямь мало, я все расскажу, если пообещаете не связывать.

Сэм (к Огюсту): Капитан, хватит спать. Что нам делать?

Все смотрят на Огюста. Он по-прежнему сидит с закрытыми глазами, облокотившись о стену. Елена бросает нож на стол, отпихивает от себя Валима со стулом и бросается к Огюсту. Подсаживается к нему, щупает пульс. Вскоре отпускает руку.

Елена: Всех обманул, старый черт. Ушел командир. Во сне ушел, леший.

Елена встает, берет стул и садится.

Елена: Вы спрашивали, как случилось, что я жива?! Как только этот бедолага обнаружил шланг и пристрастился к пойлу, я поняла, что нам всем окончательно пришел конец. И тогда у меня созрел план. Я стала внушать Огюсту мысль, что неизлечимо больна и скоро слягу. Сделала себе инъекцию, которая на время сокращает сердцебиение и понижает температуру тела. Вы подумали, что я мертва. Когда действие лекарства закончилось, я выбралась из капсулы. Вы же сожгли пустую капсулу с мусором. Огюст к тому времени, как отправить мой прах в космос был уже изрядно пьян. Все это время я пряталась в воздуховодах и отсеках корабля. Выходила только ночью. Так Тома, ты меня и заметила, приняв за призрак.

Тамара: Так это был не глюк?!

Валим: Но зачем же было прятаться?

Елена: Почти год назад у меня созрел план убийства. Правда первым должна была стать не Исиоко, а твой отец Огюст, Тома. Я-то, дура, думала, что это будет легко. И, возможно, так бы и сдохла в одной из вентиляционных труб, пока однажды ночью увидела, как бортинженер Ра пробирается в лабораторию, и подливает какой-то раствор в почву водорослей. А прочтя твои записи, Тома я узнала, что ресурсы корабля стремительно тают и поняла, что Ра совершает на корабле диверсию. Мы все и так месяца через четыре все сдохли, но я случайно подслушала, что у двоих из экипажа острая деменция.

Сэм: Да, но деменция была у Паулы и Абигайль. При чем тут Исиоко?

Елена: Некоторые из вас, встав поутру с кровати, наверное, замечали у себя следы уколов или порезов?

Валим: У меня как-то был такой. Думал – откуда?

Тома: И у меня.

Ева: И я. Думала ещё, где успела уколоться?!

Елена: Это я в тайне от вас брала у вас кровь, проверяла экипаж на живучесть. Так я выяснила, что Исиоко неизлечимо больна саркомой. В последние две недели она вообще не выходила из каюты. А сегодня зачем-то выползла.

Тамара: Все равно не понимаю, мам. Зачем же таким варварским способом – ножом по горлу? Ужас!

Елена: Я бы не стала, если бы весь запас ампул с ядом кто-то не выкрал.

Сэм: Черт! Тома ты оказалась права. Убийц было двое.

Тамара: Пьеса!

Елена: Что пьеса?

Тамара: Огюст говорил, если доиграем пьесу в ней будет разгадка. Как точно! Юнга Юрий прятался на корабле, как и мама в отсеках корабля. Мы просто не уловили связи.

Джастин (указывая на Елену): Мы не можем оставлять её тут. Эта русская извела трех наших товарищей.

Мария: Я предлагаю судить её. Сейчас же.

Бриджит: Точно! Судить! Она сама во всем призналась!

Джастин: Эта русская достойна смерти!

В этот момент загорается экран дисплея компьютера. В эфире слышны шорохи и треск. Своя треск слышен голос «Марсоним. Марсоним один. Вы нас слышите? Слышите нас? Это Хьюстон»

Сэм: Не может этого быть?! Мне послышалось, или сказали Хьюстон?!

Валим: Это что, Земля?

Джастин: Не может быть! До Земли сейчас дальше чем до Альфа Центавры.

Бриджит: А вдруг расчеты были не верны?!

Елена: Или мы были рядом, а нас все это время вводили в заблуждение...

Экран загорается и на нем видно лицо женщины.

Голос: «Марсоним. Это Хьюстон. Мы видим вас на радарх. Вы в одиннадцати месяцах полёта до Земли»

Мария: Это «Марсоним один». Мы живы. Спасите нас.

Голос: Вы живы. Это чудо! Но я вас не понимаю. Повторите.

Мария: На каком это языке они говорят?

К монитору подходит Елена.

Елена (команде): Это русский язык. (обращается в мониторе) Хьюстон, мы вас хорошо слышим. Это Елена Васильева, хирург корабля. Расскажите, как на Земле обстановка с радиацией, спала? Много выживших после войны?

Голос: Через год как с вами пропала связь, война на Земле прекратилась. Штаты сдались. Мы победили.

Елена: Мы – это кто?!

Голос: Мы – русские! Теперь весь мир одна большая Россия. Войн давно нет. Радиации тоже.

Джастин: Что? Что там говорят? Переведи.

Елена: А всё! Нет, Джастин, больше твоей Америки. Домой летим. Домой.

Голос: Марсоним один! Вам хватит ресурсов чтобы выжить?

Елена подходит к столу, на котором лежит нож, и берет его. Все женщины окружают Елену и встают напротив мужчин.

Тамара: Думаю хватит. А не хватит, так что-то придумаем.

КОНЕЦ

03.05.24